

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ «ЗАМЯТНИ» 1682 ГОДА

О. Г. Усенко

15 мая 1682 г. Москва оказалась во власти взбунтовавшихся стрельцов. Результатом восстания было то, что на престоле помимо Петра I обосновался также Иван V, а их соправительницей стала царевна Софья. Следующим этапом столичной «замятни» стало выступление в защиту «старой веры», участниками которого были также посадские люди и пришлые «расколоучители». На этом этапе имели место написание и подача челобитных, а также диспут («пря о вере») между церковными иерархами и «расколоучителями», состоявшийся в Кремле 5 июля.

Все эти события нельзя отнести к числу неизученных страниц отечественной истории. Но по ряду моментов среди исследователей нет единства. В данной статье будут рассмотрены наиболее дискуссионные вопросы: социокультурные факторы движения – ментальные (идейно-эмоциональные и социально-психологические) и структурные (организационные); хронология выступления в защиту «старой веры».

1. Социокультурные факторы московской «замятни» 1682 г.

Давно уже не секрет, что главными факторами социального протеста являются явления и процессы, объединяемые понятием «гнёт (угнетение)». У основной части этих явлений и процессов социально-экономическая природа (бунтуют не от хорошей жизни). Но понятие «гнёт» включает в себя и психологический момент – негативную оценку тех или иных общественных феноменов. Соответственно, чтобы выяснить, почему данное выступление возникло именно здесь и в это время, почему оно приняло именно такие формы, необходимо выявить и другие факторы – те, что коренятся в психике человека, его родной культуре, его социальных связях, ролях и т. п.

Если с таким прицелом проанализировать научные работы, в которых история московской «замятни» рассматривается последовательно и целиком (с апреля по сентябрь 1682 г.), то всех исследователей можно поделить на пять групп.

Учёных первой группы роднит уверенность, что все или подавляющее большинство столичных стрельцов были тайными «раскольниками» («староверами»), а главным фактором «замятни» 1682 г. на всём её протяжении объявляется желание служилых людей устранить социальную несправедливость – упразднить «никонианство» (Н. Г. Устрялов) и даже основать «раскольническую демократию». При этом главным заводчиком и вождём выступления в защиту «старой веры» называется князь И. А. Хованский, которому лишь помогали «расколоучители» во главе с Никитой Пустосвятом¹. Например, по словам Н. М. Никольского, для князя

¹ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. – СПб., 1858. – Т. 1. – С. 53; Щанов А. П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII века. – Казань, 1859. – С. 103–105, 299–

«московские прения о вере должны были послужить предлогом к революции по всему Московскому государству. Орудием революции должны были быть стрельцы: они должны были... перебить царей, Софью, патриарха и власти»².

Для исследователей второй группы характерен взгляд, что московские стрельцы (все или большей частью) были «никонианами», пусть и не очень твёрдыми в своей вере. Их мятеж 15–17 мая в целом предстаёт самостоятельной борьбой за корпоративные и/или общенародные (государственные) интересы, а вот выступление в защиту «старой веры» выглядит некой уступкой: стрельцы-де поддались агитации со стороны «раскольников».

Согласно А. И. Журавлёву, одному из первых историков «раскола», стрельцы подняли мятеж, а потом пошли за «староверами» из-за традиционной склонности к бунтам³.

Митрополит Макарий, Н. И. Костомаров и К. Плотников ссылаются на невежество и легкомыслие служилых людей, попавших под влияние «расколоучителей»⁴.

Н. Я. Аристов причину совместного выступления стрельцов и «раскольников» видит в том, что и те и другие боролись против «централизации» и «против наплыва несродных направлений, вливавшихся в русскую жизнь». При этом автор замечает, что «стрельцы действовали в области светской администрации, а раскольники касались порядков церковных»⁵.

С точки зрения В. И. Буганова, мятеж 15 мая был отчасти подготовлен и спровоцирован сторонниками царевны Софьи (включая И. А. Хованского), боровшимися против Нарышкиных. Историк уверен, что агитация «раскольников» была успешной, в частности, из-за того, что стрельцы делились на сторонников и противников «никонианства» примерно поровну⁶.

Все указанные авторы вдохновителем и главой «раскольничьего мятежа» в мае – июле 1682 г. считают расстриженного попа Никиту Добрынина (Пустосвята). Однако есть и другие мнения.

П. С. Смирнов полагает, что Никита делил власть с «отцом» Сергием (в миру – Семёном Крашенинниковым). При этом историк сообщает, что у челобитья в защиту «старой веры» была предыстория, имеющая отношение к знаменитому протопопу Аввакуму и его единомышленнику «отцу» Досифею⁷.

300, 477; *Он же*. Земство и раскол. – СПб., 1862. – Ч. 1. – С. 52; *Штраух А. Н.* Стрелецкий бунт 1682 г. // Научные труды Индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта: Социально-экономическая серия. – 1928. – Вып. 1. – С. 9, 15–43; *Никольский Н. М.* История русской церкви. – М., 1983. – С. 151–156.

² *Никольский Н. М.* Указ. соч. С. 153–154.

³ *Журавлёв А. И.* Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, собранное из потаённых старообрядческих преданий, записок и писем... – М., 1890. – С. 61–62.

⁴ *Макарий [Булгаков], митрополит Московский.* История русского раскола, известного под именем старообрядства. – СПб., 1889. – С. 240–259; *Костомаров Н. И.* История раскола у раскольников // Вестник Европы. – 1871. – № 4. – С. 487–490; *Плотников К.* История русского раскола старообрядчества. – СПб., 1914. – С. 65–66.

⁵ *Аристов Н. Я.* Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. – Варшава, 1871. – С. 64–99.

⁶ *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. – М., 1969. – С. 67, 129–178, 210–235.

⁷ *Смирнов П. С.* История русского раскола старообрядства. – СПб., 1895. – С. 87–90; *Он же.* Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. – СПб., 1898. – С. XXVI–XXVII, прим.; XXIX–XXXII, прим. 42; 189, прим. 5.

На взгляд Е. А. Белова, наиболее вероятно, что майский мятеж спровоцировал И. А. Хованский; ему же принадлежат почин и руководство на следующем этапе, когда в движение пришли «раскольники»⁸.

Авторы третьей группы склонны полагать, что восстание 15–17 мая не имело религиозной подоплёки – и потому, что большинство его участников являлись «никонианами», и потому, что оно было подготовлено и спровоцировано придворными заговорщиками. Что же до

выступления в защиту «старой веры», то его, по мнению историков, инициировали те стрельцы, которые втайне придерживались «раскола» (таких было меньшинство).

Правда, на вопрос о том, кто именно плёл нити заговора и кто стоял во главе «раскольничьего мятежа», исследователи отвечают по-разному.

Н. Г. Устрялов, говоря о выступлении в защиту «старой веры», отдаёт пальму первенства И. А. Хованскому, который-де втайне исповедывал «раскол» и, став начальником Стрелецкого приказа, решил с помощью подчинённых единоверцев захватить высшую власть⁹.

По мнению М. Д. Хмырова, М. П. Погодина, И. И. Румянцева и Н. И. Павленко, указанным выступлением руководил Никита Пустосвят¹⁰.

Согласно С. М. Соловьёву, на защиту «старой веры» стрельцов и посадских людей столицы вели пришлые «расколоучители» – сначала Сергей, а потом Никита, крестуря И. А. Хованского¹¹.

Все указанные авторы солидарны в том, что восстание 15–17 мая подготовили и спровоцировали царевна Софья и её окружение (прежде всего Милославские и Хованские). Но С. К. Богоявленский тайным вдохновителем восстания называет лишь И. А. Хованского. По мнению исследователя, князь был и главным организатором последующего «раскольничьего мятежа»¹².

К четвёртой группе относятся авторы, которые утверждают, что в ходе всей «замятни» московские стрельцы, сами того не зная, были ведóмыми, ибо их майский мятеж являлся частью придворной интриги, а на защиту «старой веры» их толкнули сторонние «раскольники».

Согласно П. Щербальскому, действиями восставших 15–17 мая фактически руководила «партия царевны Софьи», куда входили и Милославские, и Хованские. Будучи «старовером», И. А. Хованский стал единоличным главой «раскольничьего мятежа», в ходе которого ему помогали пришлые «раскольники»¹³.

Несколько по-другому описывает события В. Г. Карцов: майский мятеж – это следствие провокации царевны Софьи и «милославцев» (к ним причисляется

⁸ Белов Е. А. Московские смуты в конце XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. – 1887. – Ч. 249. – С. 126–140.

⁹ Устрялов Н. Г. Указ. соч. – С. 27–79.

¹⁰ Хмыров М. Д. Стрельцы и первый стрелецкий бунт с раскольничьим мятежом: исторический очерк. – СПб., 1863. – С. 22, 26–72; Погодин М. П. Первый стрелецкий бунт // Русский вестник. – 1874. – Т. 114. – С. 27; Он же. Раскольники в правление царевны Софии и князя Хованские // Там же. – С. 560–571; Румянцев И. И. Никита Константинов Добрынин («Пустосвят»). – Сергиев Посад, 1916. – С. 233–234, 258, 262–263, 270–271, 279, 282–286; Павленко Н. И. Церковь и старообрядчество во второй половине XVII в. // История СССР: Первая серия. – М., 1967. – Т. 3. – С. 105–108; Он же. Об оценке стрелецкого восстания 1682 г. (По поводу монографии В. И. Буганова «Московские восстания конца XVII века». М., 1969) // История СССР. – 1971. – № 3. – С. 87–94.

¹¹ Соловьёв С. М. Соч.: В 18 кн. – М., 1991. – Кн. 7. – С. 259–279.

¹² Богоявленский С. К. Хованщина // Исторические записки. – 1941. – Т. 10. – С. 185–210.

¹³ Щербальский П. Правление царевны Софии. – М., 1856. – С. 12–39, 54–60.

И. А. Хованский). Но при этом историк считает, что выступлением в защиту «старой веры» поначалу руководил Сергей, а потом Никита¹⁴.

Наконец, имеются исследователи, которые видят стрельцов инициативными и самостоятельными и 15–17 мая, и позднее – несмотря на то, что стрельцы причисляются к «никонианам», хотя и не слишком убеждённым.

Например, И. Н. Харламов не усматривает «староверческой инициативы» в деле организации челобитья с целью выяснения «истинной» веры. Историк полагает, что это

«раскольники» отозвались на призыв стрельцов, которые после майского мятежа как бы по инерции встали за гонимую «старую веру», мало что о ней зная: «Движение было так же мало сознательно, как и все другие движения того времени». Тем не менее предводитель у челобитчиков имелся – им был Сергей¹⁵. Примерно так же на интересующее нас движение смотрит П. Н. Милюков¹⁶.

Напротив, С. П. Мельгунов утверждает, что мятежные стрельцы совершенно осознанно перешли к защите «старой веры», поскольку она отождествлялась в их сознании «со старыми идеалами политической вольности и социального равенства». Предводителем же «антиниконианского» выступления историк называет И. А. Хованского¹⁷.

Перейдём к проверке имеющихся в литературе утверждений. Посмотрим сначала, как московские стрельцы относились к «расколу» до 1682 г.

Судя по «Житию» протопопа Аввакума, в 60-х гг. XVII в. столичные стрельцы, выполняя полицейские функции, постоянно участвовали в репрессиях против «староверов». Например, в 1666 г. полуголова Осип Салов с отрядом стрельцов (около 20 чел.) конвоировали трёх «расколоучителей» (Аввакума, дьякона Фёдора и попа Никиту Добрынина) к месту заключения – в Николо-Угрешский монастырь, охраняли их там, а затем этапировали в другие места¹⁸. В 1667 г. Аввакума, попа Лазаря и старца Епифания, осуждённых «священным собором», сопровождали и охраняли «неотступно 20 человек стрельцов, да полуголова, да сотник» (сотником был Иван Лобков). Кроме того, царь присылал к Аввакуму стрелецкого голову Ю. П. Лутохина, который уговаривал узника отречься от «ереси»¹⁹. В 1670 г. присланный из Москвы стрелецкий полуголова И. К. Елагин руководил «казнями» сосланных в Пустозёрск Аввакума, Фёдора, Лазаря и Епифания²⁰.

Кстати, этих «расколоучителей» в Пустозёрске поначалу охраняли местные стрельцы²¹. Но с августа 1676 г. караульную службу несли уже стрельцы московские (12 чел.). Им был дан строгий наказ усилить надзор за узниками, чтобы лишить их всякой связи с посторонними лицами, и не давать заключённым ни бумаги, ни чернил²². И хотя узники находили возможности писать, рассылать свои

¹⁴ Карцов В. Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. – Калинин, 1971. – Ч. 1. – С. 102–112.

¹⁵ Харламов И. Н. Идеализаторы раскола // Дело. – 1881. – № 9. – Отд. 2. – С. 1–3.

¹⁶ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. – СПб., 1903. – Ч. 3. – Вып. 1. – С. 176–179.

¹⁷ Мельгунов С. П. Религиозно-общественные движения XVII–XVIII вв. в России. – М., 1922. – С. 70, 83–85.

¹⁸ Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. – М., 1991. – С. 29, 55–56, 308, 318.

¹⁹ Там же. – С. 61–62, 321.

²⁰ Там же. – С. 63–65, 322–323.

²¹ См.: Субботин Н. И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. – М., 1881. – Т. 6. – С. 132–133; Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. – С. 65.

²² Малышев В. И. Новые материалы о протопопе Аввакуме // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР (далее – ТОДРЛ). – Л., 1965. – Т. 21. – С. 327–328, 333.

послания и получать ответы на них, вывод о приверженности караульных «расколу» был бы поспешным. Можно говорить, очевидно, лишь о небрежении в службе и/или о личных симпатиях отдельных стрельцов к своим подопечным²³.

В 60–70-е гг. XVII в. «раскол» быстро распространялся в центральных и северо-восточных уездах европейской России, а также в Поволжье²⁴. Ответом на это стала настоящая «сыскная» кампания (1662–1673 гг.), организованная Приказом тайных дел. В различные уезды для поимки «раскольников» отправлялись отряды московских стрельцов.

Как правило, в тот или иной район «сыска» посылался целый полк, делившийся потом на команды, которые расходились по отдельным волостям и поселениям. Совершались также конные походы в леса, целью которых был арест беглых «староверов» и разорение их келий²⁵. Правда, кое-где подобным «сыском» занимались и местные (городовые) стрельцы²⁶, но лишь после 1682 г. последние стали играть основную роль в преследовании религиозных диссидентов²⁷.

Впрочем, «староверы» среди московских стрельцов были. Для примера назовём П. Макарьева и П. Ледушникова, сосланных в Кольский острог (не позже января 1682 г.) и учивших там людей двоеперстию²⁸. Были и те, что придерживались «раскола» до поры до времени втайне. Можно назвать Алексея Юдина из Воробина полка – одного из видных участников «замятни» 1682 г.²⁹, а также тех стрельцов Титова (Ознобишина)³⁰ полка, по инициативе которых, собственно, и началось выступление в защиту «старой веры»³¹. Известно также, что часть бывших мятежников, сосланных в другие города, активно проповедовала «раскол»³².

И всё же, думается, московские стрельцы в подавляющем большинстве были «никонианами». Иначе церковный собор 1681 г., утвердивший новую программу борьбы с «расколом» в столице, не предусматривал бы их привлечение в качестве полицейской силы³³. В связи с этим выглядит сомнительным утверждение, что к маю 1682 г. столичные стрельцы делились на «никониан» и «староверов» примерно поровну³⁴. Основа этого тезиса – известие очевидца, что лишь половина

²³ Например, стрелец Кирилл перед смертью более месяца жил в темнице вместе с Аввакумом, который изгонял из него беса (Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. – С. 68–69).

²⁴ См.: Шульгин В. С. «Капитоновщина» и её место в расколе // История СССР. – 1969. – № 4. – С. 130–134; Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. – М., 1986. – С. 70–80.

²⁵ Румянцева В. С. Указ. соч. – С. 139–140, 144–153, 204.

²⁶ См.: Там же. – С. 184–196.

²⁷ См.: Сапожников Д. И. Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVII в. до конца XVIII в.): Исторический очерк по архивным документам. – М., 1891. – С. 18–35, 158; Барсов Е. В. Судные процессы XVII–XVIII в. по делам церкви // Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1882. – Кн. 3. – Отд. 5. – С. 41.

²⁸ См.: Барсов Е. В. Указ. соч. С. С. 19–25.

²⁹ См.: Романов С. История о вере и челобитная о стрельцах // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. – М., 1863. – Т. 5. – Отд. 2. – С. 122.

³⁰ В то время стрелецкие полки («приказы») назывались по фамилиям их начальников (кроме Стремянного полка, который нёс службу в Кремле, у «стремени» государя).

³¹ См.: Романов С. Указ. соч. – С. 111.

³² См.: Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. – СПб., 1889. – С. 115–119.

³³ См.: Макарий [Булгаков], митрополит Московский. Указ. соч. – С. С. 361–362; Соловьёв С. М. Указ. соч. – С. 237.

³⁴ Богоявленский С. К. Указ. соч. – С. 199; Буганов В. И. Указ. соч. – С. 217; Рогов А. И. Народные массы и религиозные движения в России второй половины XVII в. // Вопросы истории. – 1973. – № 4. – С. 36.

стрелецких полков подписала челобитную о возврате к «старой вере»³⁵. Но как тогда быть с фактом, что после 5 июля все стрельцы, поддавшись на уговоры и посулы из дворца, буквально в несколько дней (хотя и не без внутренних конфликтов) покинули «расколоучителей», а затем схватили их и передали в руки властей³⁶? Ответ может быть один: настоящих, убеждённых «староверов» среди московских стрельцов было очень мало – менее одной десятой (ибо даже в Титовом полку они не составляли большинства).

Данный вывод можно обосновать и ссылками на отношение повстанцев к патриарху Иоакиму. В мае 1682 г. они выказывали ему непочтение, но это объяснялось лишь их подозрением, что патриарх заодно с боярами-«изменниками», против которых и было направлено стрелецкое восстание³⁷. Если к Иоакиму как человеку восставшие могли относиться с недоверием, то его авторитет как предстоятеля церкви они и не думали оспаривать. Даже посетив его вместе с «расколоучителями», стрелецкие представители («выборные») подошли к нему за благословением³⁸. В сентябре 1682 г., после казни Хованских, мятежники обратились именно к патриарху, прося у него заступничества перед государями и содействия в переговорах с ними³⁹.

Таким образом, неправы те авторы, которые полагают, что московские стрельцы изначально, ещё только начиная мятеж, планировали восстановить «старую веру». Но вряд ли правы и те исследователи, которые стрелецкое восстание воспринимают сугубо как продукт придворных интриг.

Во-первых, из числа теоретически возможных организаторов майского мятежа надо исключить И. А. Хованского: «Связанные родственными и служебными узами со стрелецкими командирами, против которых было первоначально направлено восстание, князья Хованские вряд ли могли участвовать в последнем»⁴⁰.

Во-вторых, сами авторы, так или иначе отстаивающие «теорию заговора», признают, что агитация, которую вела «партия царевны Софьи», нашла отклик у стрельцов лишь по одной причине – почва для неё уже была подготовлена недавними стрелецкими волнениями и челобитьями⁴¹.

В-третьих, следует признать ошибочными утверждения и предположения, что именно придворные заговорщики составили тот список лиц, подлежащих каре, который ходил по рукам накануне стрелецкого восстания⁴². Скорее всего, данный перечень был стихийным продуктом фольклорного сознания. Можно утверждать, что появление и распространение в народе «чёрных списков» (на бумаге или в молве) было обязательной частью предыстории всех восстаний и крестьянских войн в России XVII–XVIII вв.⁴³

³⁵ Романов С. Указ. соч. – С. 120.

³⁶ См.: Там же. – С. 146–148.

³⁷ См.: Буганов В. И. Указ. соч. – С. 164–166, 172.

³⁸ Романов С. Указ. соч. – С. 130.

³⁹ См.: Буганов В. И. Указ. соч. – С. 281–307.

⁴⁰ Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. – М., 1999. – С. 17.

⁴¹ Соловьёв С. М. Указ. соч. – С. 255; Устрялов Н. Г. Указ. соч. – С. 28; Щербальский П. Указ. соч. – С. 15, 20–21; Буганов В. И. Указ. соч. – С. 137; Карцов В. Г. Указ. соч. – С. 102.

⁴² Соловьёв С. М. Указ. соч. – С. 260; Устрялов Н. Г. Указ. соч. – С. 28; Щербальский П. Указ. соч. – С. 22; Буганов В. И. Указ. соч. – С. 142.

⁴³ См.: Усенко О. Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. – Тверь, 1995. – Ч. 2. – С. 10–12, 16.

Да и вообще, выглядит абсурдной сама мысль о том, что некая группа лиц в условиях России XVII в. могла подготовить, спланировать, в нужный момент «запустить» и затем направлять народное выступление протеста.

Дело в том, что народные выступления в России XVII–XVIII вв. были стихийными. Под «стихийностью» в данном случае понимается спонтанность, готовность и реальная способность людей подняться на борьбу без предварительной подготовки, без предварительной организационной работы со стороны сознательных или невольных инициаторов данного выступления⁴⁴.

Наиболее опасные для властей выступления социального протеста были обязаны своим возникновением фольклорному понятию «измена». Оно применялось прежде всего для оценки деятельности власть имущих, если те пренебрегали своими полномочиями или, наоборот, злоупотребляли ими. «Изменой» считались преступления против Бога и православной веры, против личности монарха, а также нанесение ущерба интересам государства («государевой отчине») и простому люду. Комплекс представлений, связанных в народном сознании с этим понятием, включал в себя и готовность выступить с оружием против «изменников».

Обратимся к предыстории московского мятежа 15 мая 1682 г. Недовольство стрельцов, страдавших от «обид» со стороны полковников и их сановных покровителей, копилось долго. Но факты притеснений были названы «изменой» лишь после того, как стрельцы в своих мучителях увидели участников заговора против некоторых членов царской семьи. Непосредственной причиной такого осмысления событий послужило возвышение партии Нарышкиных и возведение на престол младшего царевича – Петра в обход старшего – Ивана. Это было нарушением обычая, а значит, незаконным актом. Поэтому всех, кто участвовал или был заинтересован в этом беззаконии, стрельцы начали подозревать в «измене»⁴⁵. Впрочем, за рядом придворных, по мнению стрельцов, тянулся шлейф и других «измен». Например, князю Г. Ромодановскому ставили в вину то, что он сдал врагу Чигирин с казною и гарнизоном, а также состоял в переписке с турками и крымцами. А. С. Матвеев заклеил себя тем, что по его приказу немецкие лекари готовили «зелье» для царской семьи. Бояре же Нарышкины якобы замыслили «злое дело» против царевича Ивана, и доказательством тому был слух, что они примеряли «его царского величества порфиру»⁴⁶.

Типичным для России XVII–XVIII вв. было и то, что восстание 1682 г. вспыхнуло, как только распространилась молва о том, что члену правящей фамилии угрожает опасность⁴⁷. В данном случае был слух, будто Нарышкины убили царевича Ивана. Даже если этот слух пустили сторонники царевны Софьи⁴⁸, он был только поводом к выступлению. И хотя в движениях социального протеста до середины XIX в. повод играл более важную роль, нежели кажется на первый взгляд⁴⁹, это не значит, что у стрелецкого восстания были организаторы и что ими были царевна

⁴⁴ См.: Усенко О. Г. Психология социального протеста... – Ч. 2. – С. 16–18.

⁴⁵ См.: Буганов В. И. Указ. соч. – С. 98, 107–108.

⁴⁶ Восстание в Москве 1682 года: Сб. документов. – М., 1976. – С. 37.

⁴⁷ См.: Усенко О. Г. Психология социального протеста... – Ч. 2. – С. 25–26.

⁴⁸ См.: Соловьёв С. М. Указ. соч. – С. 260; Устрялов Н. Г. Указ. соч. – С. 31; Щербальский П. Указ. соч. – С. 24.

⁴⁹ См.: Усенко О. Г. Повод в народных выступлениях XVII – первой половины XIX века в России // Вестн. Моск. ун-та: Сер. 8: История. – 1992. – № 1. – С. 39–50; *Он же*. Психология социального протеста... – Ч. 2. – С. 12–13, 18–29.

Софья и её «партия».

Обратим внимание на то, что 15–17 мая Софья не подстрекала и не направляла восставших, а наоборот, просила их угомониться. Но, взявши в руки оружие, стрельцы уже не могли остановиться. И даже узнав, что царевич Иван жив, они от его имени продолжали карать «изменников», осознавая себя защитниками законных интересов старшего царевича⁵⁰. Очевидец восстания сообщает: «Все три дня, пока продолжался этот бунт, стрельцы действовали от имени царя Ивана Алексеевича, хотя никого ни о чём не спрашивали и делали всё, что хотели»⁵¹.

Типичным в поведении участников московской «замятни» 1682 г. было также то, что для них «изменники» были вне общества, вне законов и морали⁵² (например, И. К. Нарышкина

схватили прямо в церкви⁵³), что стрельцы воспринимали свой мятеж как особую, крайне важную службу царскому дому.

По народным представлениям XVII–XVIII вв. служение царю не могло быть произвольным. Оно строилось на определённых принципах, главными из которых были «законность» и «справедливость» (в том виде, как их понимали трудящиеся)⁵⁴.

Например, законным для народа было выступление «всем миром», в соответствии с общинными традициями. Законной была и защита царя, когда он сам себя уберечь не мог. Но законность подразумевала и неукоснительное соблюдение указов, исходящих от «подлинного» монарха, поддержание общественного порядка (правда, взгляды на него у разных слоёв далеко не всегда совпадали).

Стало быть, не случайно московские стрельцы после 17 мая 1682 г. запретили и пресекали грабежи, не только отказались поддержать холопов, бивших челом об избавлении от кабалы, но и по царскому указу ловили челобитчиков, а часть их казнили. В то же время холопы, уже вступившие в стрелецкое войско, ни властям, ни господам не выдавались⁵⁵.

Фольклорное понятие справедливости питало надежды на получение награды от монарха. Трудящиеся много ждали от него, но при этом считали, что удовлетворение их чаяний наиболее реально в виде ответного шага царя за их заслуги перед престолом. При этом простолюдины, оказав, с их точки зрения, услугу монарху, считали вполне справедливым добиваться от него ответной услуги.

Такое понимание служения, которое можно выразить формулой «ты – мне, я – тебе», присуще и участникам «замятни» 1682 г. Они полагают, что спасли царевича Ивана от смерти и возвели его на престол, уверены, что, устранив «измену», оказали услугу всему государству. Взамен стрельцы добиваются того, чтобы им выдали имущество казнённых «изменников», выплатили «заслуженные деньги за 40 лет» и увеличили жалованье. Кроме того, по их желанию обязанность следить за сбором «стрелецкого хлеба» перекладывается на плечи посадских людей⁵⁶. Затем восставшие подают челобитную, в которой требуют поставить на Красной площади столб с именами убитых «изменников» и выдать жалованные грамоты с

⁵⁰ См.: Соловьёв С. М. Указ. соч. – С. 260–265; Буганов В. И. Указ. соч. – С. 98, 145, 171–172, 175; Карцов В. Г. Указ. соч. – С. 103–105.

⁵¹ Цит. по.: Буганов В. И. Указ. соч. – С. 172.

⁵² См.: Усенко О. Г. Психология социального протеста... – Ч. 2. – С. 37–38.

⁵³ См.: Соловьёв С. М. Указ. соч. – С. 263–264; Щербальский П. Указ. соч. – С. 35–36.

⁵⁴ См.: Усенко О. Г. Психология социального протеста... – Ч. 2. – С. 30–31.

⁵⁵ Буганов В. И. Указ. соч. – С. 180–181, 197–205.

⁵⁶ Там же. – С. 182–183, 239.

перечислением стрелецких прав и привилегий⁵⁷.

Теперь можно объяснить, почему и как в 1682 г. московские стрельцы если не поголовно, то всё же в массовом порядке стали участниками выступления в защиту «старой веры».

Прежде всего надо отметить, что все участники выступления жаждали справедливости и законности. Правда, «расколоучители» требовали прекращения гонений лишь на своих единомышленников. Стрельцы же хотели, дабы любые наказания были обоснованными и легитимными. Поэтому в челобитной от 6 июня они писали о том, чтобы без именных царских указов и «подлинного розыску их и всяких чинов людей никого бы в ссылки напрасно не ссылали и безвинно кнутом и батоги не били и не казнили»⁵⁸. Тем не менее, поскольку стрельцы долгое время сами страдали от произвола начальства и высших властей⁵⁹, им были не чужды жалобы религиозных диссидентов, и те получили обещание, что больше их не будут «жечь и мучить»⁶⁰. Изначально обе стороны не думали выходить за

рамки легальности, поэтому выступление в защиту «старой веры» началось как традиционное челобитье.

Кроме того, «расколоучители» использовали призыв, популярный среди участников многих выступлений социального протеста в России второй половины XVII – XVIII вв., не исключая и московское движение 1682 г. Речь идёт о лозунге «стать за дом пресвятой Богородицы и за православную веру»⁶¹. Хотя понимался он по-разному: для одних этот лозунг означал борьбу с «никонианством», а для других – верную службу «настоящему» царю, борьбу против его недругов⁶². Частью этой службы стрельцы видели свою помощь в окончательном установлении того, какая вера – «старая» или «новая» – истинна. Они стремились «делать правду», потому сообщали и поддерживали идею о проведении диспута с иерархами официальной церкви на глазах царей и народа⁶³.

То, что выступление мятежных служилых людей в защиту «старой веры» было массовым, а выглядело даже всеобщим, объясняется вот чем. Ещё в ходе волнений (до 23 апреля 1682 г.) стрельцы «положили заповедь» (заключили договор, скреплённый клятвой), что все полки будут «стоять заодно»⁶⁴. Отныне инициатива стрельцов любого «приказа» (полка), очевидно, обсуждалась на собрании «выборных», и те решали, подключаться к ней другим «приказам» или нет. Когда представители Титова (Ознобишина) полка предложили выступить в защиту «старой веры», нормы стрелецкого самоуправления сыграли им на руку – они нашли поддержку в других полках⁶⁵.

Хотя стрельцы явно были самостоятельной силой и в ходе «раскольничьего мятежа»⁶⁶, всё же стоит критически подойти к сообщению С. Романова, что инициатива челобитья «о исправлении веры» исходила из Титова полка, а посадские

⁵⁷ Восстание в Москве 1682 года. – С. 36–39.

⁵⁸ Цит. по: Буганов В. И. Указ. соч. – С. 237.

⁵⁹ См.: Там же. – С. 120–121.

⁶⁰ Романов С. Указ. соч. – С. 113.

⁶¹ См.: Усенко О. Г. Психология социального протеста... – Тверь, 1994. – Ч. 1. – С. 34–35.

⁶² См.: Восстание в Москве 1682 года. – С. 36, 38.

⁶³ См.: Романов С. Указ. соч. – С. 116, 121, 147.

⁶⁴ Буганов В. И. Указ. соч. – С. 91.

⁶⁵ См.: Романов С. Указ. соч. С. 111, 120–121.

⁶⁶ См.: Усенко О. Г. Стрельцы и раскольники летом 1682 г. // Вестн. Моск. ун-та: Сер. 8: История. – 1990. – № 2. – С. 97.

[с. 35]

люди и «расколоучители» подключились к выступлению лишь после того, как стрельцы попросили помощи у «староверов» из Гончарной слободы⁶⁷.

Дело в том, что к подобным челобитьям ревнители «древлего благочестия» прибегали ещё в 1653–1666 гг., пока авторитет царя Алексея Михайловича сомнению не подвергался, а также после его смерти (январь 1676 г.). Тот же протопоп Аввакум послал царю Фёдору челобитную, в которой прямо-таки заклинал вернуться к «старой вере». При этом пустозёрский узник предлагал свои услуги в деле наказания горе-новаторов: «А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во един час. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю. Да воевода бы мне крепкой, умной... Перво бы Никона, собаку, и рассекли начетверо, а потом бы и никониян»⁶⁸.

Однако Фёдор Алексеевич не спешил внять призывам «расколоучителей». Тогда те решили, что всё дело в молодости и неопытности государя, которому «никониане» задурили голову и которому трудно разобраться в том, какая же «вера» истинна. Умы ревнителей «древлего благочестия» захватила мысль о проведении публичных, в присутствии монарха, прений между ними и представителями официальной церкви. И эта идея была не нова – ещё

в 1660 г. Иван Неронов предлагал царю Алексею разрешить религиозный конфликт «разсуждением искусных отец»⁶⁹. Однако именно в конце 70-х гг. XVII в. подобная постановка вопроса приобрела особую актуальность. Из Пустозёрска в Москву отправилось послание на имя царевны Ирины Михайловны, тётки молодого царя. Аввакум просил её: «Умоли государя-царя, чтобы мне дал с никонияны суд праведный, да известна будет вера наша христианская и их никониянская»⁷⁰. Но царевна Ирина умерла в 1679 г., не сумев, а быть может, не захотев ничего сделать.

Так как письменные обращения к царю успеха не принесли, оставался один путь – добиваться личной встречи с государем и уже на ней просить об организации диспута. Формально планируемое предприятие опять же выглядело как челобитье, но идеологи «староверия» готовились превратить спор с «никонианами» в некий судебный процесс. Их делегаты перед лицом царя должны были выступить не только в роли просителей, но и обвинителей.

Судя по всему, идея такого челобитья-диспута-суда родилась у известного «расколоучителя» Досифея, который некогда был игуменом Беседного Никольского монастыря близ Тихвина, а не позже 1675 г. возглавил «староверческую» Троицкую (Сунарецкую) пустынь в Олонецком уезде на западном берегу Онежского озера⁷¹.

У Досифея был большой авторитет и широкие связи. Так, в 1671 г. в Москве он исповедовал и причастил боярыню Ф. П. Морозову, княгиню Е. П. Урусову, жену стрелецкого полковника М. Данилову⁷². В одном из писем протопоп Аввакум просил у него благословения⁷³. Будучи в Сунарецкой пустыни, Досифей постриг в монахи духовного сына Аввакума – Семёна Иванова сына Крашенинникова, дав

⁶⁷ Романов С. Указ. соч. – С. 111–112.

⁶⁸ Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. – С. 99.

⁶⁹ Субботин Н. И. Указ. соч. – М., 1875. – Т. 1. – С. 168.

⁷⁰ Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. – С. 101.

⁷¹ См.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы... – С. XXVI–XVII, прим.; CXVII.

⁷² Там же. – С. XXIV, прим. 38.

⁷³ См.: Субботин Н. И. Указ. соч. – М., 1879. – Т. 5. – С. 237.

[с. 36]

ему имя Сергей⁷⁴.

К 1681 г. Сергей уже был, по выражению Аввакума, «новым игуменом» – возглавлял московскую общину «раскольников»⁷⁵. Досифей приехал в столицу и ознакомил единоверцев с идеей челобитья-диспута. Его поддержали – тем более, что, согласно Досифею, «по жребию» участвовать в предприятии должен был и Сергей. Получив письменное благословение Аввакума, «староверы» стали ждать удобного случая для обращения к царю. Но такой случай не представился. Политика властей в отношении «раскольников» ещё более ужесточилась. Как уже говорилось, определением церковного собора 1681 г. был предусмотрен целый ряд мер, направленных на искоренение религиозного инакомыслия в столице. Естественно поэтому, что Сергей и Досифей покинули город и укрылись в Сунарецкой обители⁷⁶.

Но в Москве остались их единомышленники. Причём одним из опорных пунктов столичного «раскола» была Гончарная слобода, близ которой, тоже за Яузой, располагался тот самый Титов полк⁷⁷. Судя по всему, сразу после начала майского мятежа местные «староверы» послали гонцов за своим «игуменом» и другими «отцами», дабы те исполнили давнишний план Досифея. Кроме того, «раскольники» из Титова «приказа» изложили суть этого плана своим однополчанам⁷⁸.

Таким образом, выступление в защиту «старой веры» 1682 г. формально родилось тогда, когда представители Титова полка обратились к знакомым «староверам» из Гончарной

слободы, но фактически возникло раньше – когда эти же слобожане сделали так, что у стрельцов как бы сама собой родилась идея ударить челом «о исправлении веры». Этот факт ещё раз доказывает, что выступление в защиту «старой веры» 1682 г. было не простым пересечением двух самостоятельных движений – стрелецкого и «расколоучительского», а их сложным и противоречивым взаимодействием, синтезом.

Итак, зачинщиками данного выступления И. А. Хованский и Никита Пустосвят быть не могли⁷⁹. Но следует признать и то, что никто из них не мог быть и его руководителем.

Да, И. А. Хованский пытался управлять «расколоучителями» и стоящими за ними стрельцами. Именно поэтому он сделал так, чтобы официальным руководителем челобитчиков стал Никита – его давний знакомый. Однако в реальности руководящих функций не было ни у того, ни у другого⁸⁰.

Каким же образом возникло и укоренилось мнение о главенствующей роли Никиты Пустосвята в событиях июня – июля 1682 г.? Судя по всему, оно базируется на выводах, сделанных по горячим следам членами правительственного лагеря.

⁷⁴ Румянцев И. И. Указ. соч. – Приложения. – С. 92; Словарь книжников и книжности Древней Руси. – СПб., 1998. – Вып. 3: XVII в. – Ч. 3. – С. 340.

⁷⁵ См.: Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. – С. 198–207; Смирнов П. С. Внутренние вопросы... – С. X, 170–171; Усенко О. Г. Стрельцы и раскольники... – С. 93.

⁷⁶ См.: Усенко О. Г. Стрельцы и раскольники... – С. 93–94.

⁷⁷ См.: Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. – М., 1884. – Ч. 1. – Стб. 833, 836; Романов С. Указ. соч. – С. 145.

⁷⁸ См.: Романов С. Указ. соч. – С. 112–114; Усенко О. Г. Стрельцы и раскольники... – С. 94–95.

⁷⁹ См. о них: Словарь книжников и книжности Древней Руси. – СПб., 1993. – Вып. 3: XVII в. – Ч. 2. – С. 380–383; СПб., 2004. – Вып. 3: XVII в. – Ч. 4. – С. 198–202.

⁸⁰ См.: Усенко О. Г. Стрельцы и раскольники... – С. 95–97; Он же. О челобитных в защиту «старой веры» (лето 1682 г.) // ТОДРЛ. – СПб., 1999. – Т. 51. – С. 386.

Так, в грамоте новгородского митрополита Корнилия архимандриту Тихвинского монастыря Макарию (3 августа 1682 г.) из всех участников «раскольничьего мятежа» выделен лишь «бывый поп Никита», которому содействовали «и иные мнози»⁸¹. Написанная между 6 и 10 сентября «царская окружная грамота к ратным людям» также фокусирует внимание лишь на Добрынине⁸². Единоличным главой религиозных мятежников он предстаёт и в смертном приговоре И. А. и А. И. Хованским (17 сентября). Составленный Афанасием Холмогорским «Увет духовный» (напечатан в сентябре 1682 г.) излагал события в том же духе: «...Сии злии раскольники... во всём царствующем граде по улицам и по торжищам бродили... В них же первый – треклятый изверженный, бывый поп Никита...»⁸³

В свою очередь, на формирование официальной точки зрения повлияло, видимо, то, что из всех участников «староверческого» выступления 1682 г. власть имущие хорошо знали только Добрынина и, соответственно, выделяли его из числа своих противников. Сказалось, очевидно, и то, что Никита формально возглавлял выступление, что именно он от лица «раскольников» начал прения 5 июля⁸⁴. К тому же он понёс и наиболее тяжкое наказание – был казнён. Причём казнён как «вор» – государственный преступник. В его смертном приговоре указаны такие «вины»: 1) будучи «небольшим» человеком, он с ему подобными 5 июля 1682 г. явился в Кремль, «похотя возмутить православный... народ», 2) нанёс публичное оскорбление покойному царю Алексею Михайловичу и присутствовавшим в Грановитой палате царевнам, 3) бил архиерея (Афанасия Холмогорского)⁸⁵ перед лицом царственных особ⁸⁶.

На самом же деле предводителем выступления в защиту «старой веры» с начала и до конца был, очевидно, «игумен» Сергей.

Во-первых, выступление опиралось на членов столичной общины «раскольников» и их личные связи в стрелецкой среде. Во-вторых, работа над челобитной, которую решили подать представители Титова полка и посадские «из Гончаров», началась лишь спустя три недели, с приездом Сергия. Причём всего были написаны две челобитные, и в создании каждой из них основная заслуга принадлежит «игумену» московских «староверов» (лишь в работе над вторым текстом участвовал Пустосвят)⁸⁷. В-третьих, именно Сергей вместе с «отцом» Савватием 5 июля вёл спор после того, как царевна Софья отстранила Никиту от участия в «пре»⁸⁸. Наконец, и у стрельцов «игумен» столичных «раскольников», судя по всему, пользовался наибольшим авторитетом. Когда 5 июля в Кремле служилые люди схватили попа, читавшего обличения на Пустосвята, они привели его к «отцам», и участь

⁸¹ Восстание в Москве 1682 года. – С. 72.

⁸² Там же. – С. 115.

⁸³ Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева // *Сахаров И. П.* Записки русских людей: События времён Петра Великого. – СПб., 1841. – С. 79, прим. 18.

⁸⁴ См.: *Романов С.* Указ. соч. – С. 137–138; *Медведев С. А.* Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // *Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей.* – М., 1990. – С. 105, 107, 113–115.

⁸⁵ Источники личного происхождения рисуют этот эпизод по-разному. «Никонианин» С. А. Медведев утверждает, что Никита «вержеса (бросился. – О. У.) его, архиепископа, бити и терзати», но Афанасия успел защитить «некто стрелецких полков выборный тогда человек» (*Медведев С. А.* Указ. соч. – С. 115). «Раскольник» С. Романов сообщает, что споривший с патриархом Никита высказал порицание встрявшему в разговор Афанасию и «отведе его мало рукою» (*Романов С.* Указ. соч. – С. 138).

⁸⁶ *Румянцев И. И.* Указ. соч. – Приложения. – С. 150–153.

⁸⁷ См.: *Усенко О. Г.* О челобитных... – С. 388–395.

⁸⁸ См.: *Романов С.* Указ. соч. – С. 139–146; *Медведев С. А.* Указ. соч. – С. 116–119.

[с. 38]

задержанного решал Сергей. Он смог не только удержать стрельцов от расправы над попом, но и добился его освобождения⁸⁹.

2. Хронология московского выступления в защиту «старой веры» 1682 г.

Даже в работах, наиболее подробно описывающих указанное выступление, имеются довольно крупные «лакуны» с точки зрения датировки событий. Кроме того, некоторые события путаются или ставятся в разном порядке⁹⁰.

Во многом это обусловлено источниковой базой. В сочинении С. Романова – главном источнике – вся хронология строится на соотнесении тех или иных происшествий и деяний лишь с тремя событиями – «смятением» 15 мая, венчанием Ивана и Петра на царство (воскресенье 25 июня) и «собором» (диспутом) в Грановитой палате (среда 5 июля).

Согласно С. Романову, «дума» в Титовом полку о восстановлении «старой веры» была «после того смятения в 3-й день»⁹¹. Хотя получается 18 мая, большинство историков полагает, что это произошло 20-го, ибо другие источники сообщают о трёхдневном сроке майских расправ. Думается всё же, что нужно доверять С. Романову – непосредственному участнику описанных им событий.

Зная дату царского венчания, исследователи определяют и дату второй, уже официальной встречи организаторов челобитья с И. А. Хованским. Она была в «пятюк» (пятницу) перед венчанием⁹² – стало быть, 23 июня. Третья, тоже официальная, встреча князя с участниками выступления (стрелецкими «выборными» и «раскольниками» из мирян) состоялась в среду после венчания⁹³ – получается 28 июня. Тогда же, выходит, имел место и первый спор челобитчиков с патриархом и «властями» (другими иерархами), после которого Иоаким

«упрошал сроку до среды собору быть», а в ближайшую субботу (очевидно, 1 июля) выслал к народу попа Савву обличать «раскольников»⁹⁴.

Наконец, поскольку известно, что Никиту Добрынина казнили вскоре после 5 июля «во вторник»⁹⁵, постольку учёные датируют экзекуцию 11 июля. Этот вывод подтверждает «Скаска Микитке Пустосвяту», зачитанная ему перед казнью⁹⁶.

Картину событий дополняет С. Медведев, согласно которому в понедельник 3 июля к патриарху явился И. А. Хованский «со многими раскольники мирскими людьми» и от имени государей велел Иоакиму встретиться с идейными противниками «на Лобном месте или пред соборною церковью на площади», сообщив при этом, что «их де царского величества тамо не будет»⁹⁷.

В. И. Буганова это сообщение несколько запутало. Так как у С. Романова говорится лишь об одной встрече с Иоакимом, причём она не датирована, то исследователь предпочёл опереться на текст С. Медведева. В итоге он решил, что челобитчики посетили патриарха 27 июня – в последний понедельник месяца. Историк

⁸⁹ Романов С. Указ. соч. – С. 133.

⁹⁰ См.: Соловьёв С. М. Указ. соч. – С. 268–280; Румянцев И. И. Указ. соч. – С. 233–327; Буганов В. И. Указ. соч. – С. 210–235.

⁹¹ Романов С. Указ. соч. – С. 111.

⁹² Там же. – С. 117.

⁹³ Там же. – С. 121.

⁹⁴ Романов С. Указ. соч. – С. 130.

⁹⁵ Там же. – С. 148.

⁹⁶ Румянцев И. И. Указ. соч. – Приложения. – С. 153.

⁹⁷ Медведев С. А. Указ. соч. – С. 106.

[с. 39]

рассудил так: в ближайшую субботу после встречи Иоаким выслал к народу попа Савву, но «этой субботы не может быть между 3 июля, понедельником, и 5 июля, средой»⁹⁸. Налицо ошибка, ибо С. Романов, говоря о встрече И. А. Хованского с челобитчиками 28 июня, сообщает, что князь тогда же оповестил государей, и те «послаша его к патриарху, и служивые, посадские многие тут были»⁹⁹. Не могли же «раскольники» прийти к Иоакиму ещё до того, как их послали к нему!

События начального периода выступления в защиту «старой веры» (между 15 мая и 23 июня) датировать сложнее. Впервые это попытался сделать И. И. Румянцев на основе «расспросных речей» Сергия и его сподвижников.

Историк обратил внимание на следующие показания лидера челобитчиков: «И в нынешнем де во 190 году, тому недели с четыре, пришёл он, Сергей... в Москву по жребию и по посланию... Троицкого монастыря игумена Досифея для того, что велел он, игумен, бити челом великим государем, чтобы быть служебником и иным церковным книгам против печати святейшаго патриарха Филарета Никитича... и о том приказал ему на Москве написать челобитную, а из монастыря ему о том никакой челобитной не дал. И как де он пришёл к Москве, и у него, Сергия, челобитная о том написана была, и ту де челобитную подавал он великим государем, и та де челобитная сверху сошла непомечена и отдана по-прежнему ему. А которая де другая челобитная послана великим государям, и ту челобитную переправил Никита распопа и велел написать безымянно»¹⁰⁰.

Решив, что эти показания были взяты 7 июля, И. И. Румянцев заключил, что Сергей прибыл в столицу не ранее 6 июня. Примерно две недели, считает историк, тому пришлось потратить на то, чтобы написать, подать и получить обратно две челобитные, упомянутые в «расспросе». И лишь потом Сергей подключился к стрелецко-посадскому выступлению в

защиту «старой веры», начав работу над новой, третьей челобитной. Это случилось примерно 19–20 июня¹⁰¹.

Однако эта версия вызывает сомнения. Во-первых, рассмотрение уже принятых челобитных в России XVII в. не предусматривало их возврата «непомеченными» – без какой-либо резолюции¹⁰². Во-вторых, представляется невероятным, чтобы человека, подавшего челобитную с обличением «нововерия» и действовавшего при этом на свой страх и риск, чиновники отпустили бы с миром, пусть даже вскоре после стрелецкого мятежа. В-третьих, С. Романов ничего не говорит о каких-либо челобитных, написанных и поданных ранее той, что формально заказали стрельцы Титова полка. В-четвёртых, можно утверждать, что допросы «расколоучителей» не могли быть 7 июля.

Согласно С. Романову, сразу после кремлёвской «при» (то есть, видимо, 6 июля) царевна Софья призвала к себе «выборных» от всех полков и вместе с патриархом добилась от них обещания покинуть «расколоучителей». Однако среди рядовых стрельцов оказались возмущённые такой изменой, и часть «выборных» даже попала под арест. Но из дворца последовал приказ высылать ежедневно к вечеру от каждого полка по 100 человек «на опасный караул» в Кремль. Впервые прибывших «жаловали» пивом и мёдом и уговаривали отстать от «расколоучителей».

⁹⁸ Буганов В. И. Указ. соч. – С. 218–219.

⁹⁹ Романов С. Указ. соч. – С. 121.

¹⁰⁰ Румянцев И. И. Указ. соч. – Приложения. – С. 92.

¹⁰¹ Румянцев И. И. Указ. соч. – С. 276, 635.

¹⁰² См.: Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1960. – С. 71–72, 82.

[с. 40]

Всё это возымело успех: вернувшиеся из Кремля стрельцы вели себя враждебно по отношению к «правоверным», и те предпочли скрыться. «На другой день, – сообщает С. Романов, – также по сту человек перепоили, также и на третий день, да и вси полки так перебрали». В результате стрельцы не только «повинные принесли за руками», но и отрядили 100 человек для поимки «отцов». Никиту «оставили на Лыкове дворе за караулом», а остальных рассадили порознь по темницам на патриаршем дворе¹⁰³.

Итак, обработка стрельцов под видом «опасного караула» не могла начаться ранее 7 июля и не могла продлиться менее трёх дней. В связи с этим обратим внимание на замечание А. А. Матвеева: «После того же вскоре онаго Пустосвята отдали церковному суду, и на утре (подчёркнуто мной. – О. У.) он казнён был смертию...»¹⁰⁴ Таким образом, Никиту судили в понедельник 10 июля, а схватили, получается, 9-го. Судя же по тексту С. Романова, всех «отцов» арестовали если не одновременно, то очень быстро – за один или два дня. Поэтому резонно предположить, что все товарищи по несчастью давали показания уже 10 июля. Но тогда приезд Сергия в Москву приходится не на 6 июня, а на более позднее время.

Поскольку на допросе Сергей срок своей жизни в столице указал приблизительно («недели с четыре»), то вряд ли речь идёт о 28 днях. Проживи он в Москве дольше, он, скорее всего, округлил бы своё пребывание до месяца. Посему напрашивается вывод, что он провёл в столице менее четырёх недель – от 25 до 27 дней. Коли так, в 1682 г. Сергей обосновался в Гончарной слободе примерно 13–15 июня.

Для проверки этого вывода, а также для датировки иных событий между 18 мая и 23 июня разумно двигаться в направлении, противоположном их естественному ходу.

В пятницу 23 июня на официальную аудиенцию к И. А. Хованскому челобитчиков привели Сергей и Никита. Но имя Добрынина «раскольники» впервые упомянули на предыдущей, приватной встрече с князем¹⁰⁵. Она состоялась не ранее 18 июня (воскресенье) и не позже 21 июня (среда), поскольку на ней безо всяких уточнений говорилось о

проведении «собора» в «пятник» и о венчании на царство в «неделю» (воскресенье). На этой встрече князь усомнился в Сергии как лидере выступления, и тогда вспомнили о Никите. Он получил заочную рекомендацию от князя и благодаря этому стал формальным главой челобитчиков. После этого Пустосвят переехал к Сергию – видимо, уже на следующий день (19–22 июня).

К тому времени в доме у Сергия уже обитал другой «расколоучитель» – Савватий Переяславец, прибывший, судя по тексту С. Романова, вскоре после первой встречи «староверов» с И. А. Хованским¹⁰⁶. Из «расспросных речей» Савватия мы узнаём, что он поселился в Гончарной слободе ранее, чем «к ним пришёл» Никита, но после того, как была написана «челобитная тое, которую они подали»¹⁰⁷. Стало быть, он составил Сергию компанию буквально накануне переезда к ним Никиты. Что же до челобитной, упомянутой Савватием, то, очевидно, имеется в виду та, которую написали «от лица всех полков и чернослободцев» и которую вручили И. А. Хованскому 23 июня. Она была создана сразу по приезде Сергия и без

¹⁰³ Романов С. Указ. соч. – С. 146–148.

¹⁰⁴ Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева. – С. 40.

¹⁰⁵ См.: Романов С. Указ. соч. – С. 115–116.

¹⁰⁶ Там же. – С. 116–117.

¹⁰⁷ Румянцев И. И. Указ. соч. – Приложения. – С. 95.

участия Добрынина¹⁰⁸. Попробуем датировать её создание.

Мы знаем, что первая встреча с князем (18–21 июня) состоялась на следующий день после того, как ему сообщили о готовящемся предприятии¹⁰⁹. Выходит, он был оповещён 17–20 июня. В свою очередь, это произошло тогда, когда челобитная «от лица всех полков и чернослободцев» уже была одобрена стрельцами Титова полка, с неё была снята копия (на это не могло уйти менее дня), а оригинал возвращён авторам¹¹⁰. Значит, общая сходка в Титовом «приказе» была около 15–18 июня. Известно, однако, что она состоялась в тот же день, когда была закончена указанная выше челобитная. Писать же последнюю Сергей начал накануне – как только приехал¹¹¹.

Если сопоставить оба наших вывода о времени приезда Сергия в Москву, то выходит, что к исполнению своего «жребия» он приступил 14–15 июня. В таком случае «допуск», с которым датировались последовавшие за прибытием Сергия события, возможно уменьшить до двух дней (см. хронологию выступления в конце статьи).

Теперь уточним датировки событий между 23 июня и 5 июля.

С. Романов сообщает, что после второй встречи организаторов челобитья с И. А. Хованским в Москву пришли «отцы» Дорофей, Гавриил и Савватий Костромитин, и это было «на утрие в субботу»¹¹². Получается 24 июня, но это известие частью ошибочно. Из «расспросных речей» Дорофея и Гавриила явствует, что они пришли в столицу десятью днями позже – 4 июля¹¹³. Савватий же на допросе показал, что прибыл в Москву «тому недели з две», причём тогда, когда уже была готова «челобитная де, которая подана великим государем»¹¹⁴. Вспомним: Сергей и Савватий Переяславец полагали, что И. А. Хованский 23 июня действительно подал царям челобитную «от лица всех полков и чернослободцев». О ней, стало быть, и говорил Костромитин. Поскольку же его допрос был, вероятно, 10 июля (см. выше), поскольку от этой даты нужно отсчитывать от 12 до 16 дней, постольку время приезда Савватия падает на 24–28 июня. Раз дата, указанная С. Романовым, входит в этот промежуток, будем считать, что он прав – Савватий Костромитин действительно прибыл в Москву 24 июня.

Согласно С. Романову, в день царского венчания (25 июня) представители Титова полка отправились по другим «приказам» для сбора подписей под челобитной. «И в той же день

приложили руки к челобитной 4 приказа, а на другой день 3 приказа, и тако приложиша руки 9 приказов, а десятое пушкари, и бысть между ими прѣ великая и брань: инии хотят прикладывать, а инии не хотят...» Эта борьба закончилась общим собранием «выборных» (очевидно, 27 июня), на котором от имени всех полков было решено и без рукоприкладства «стоять за одно всем и делать правду». Подписанную челобитную «положили в Титове приказе, запечатав, и велели подавать большую челобитную от лица всех православных христиан, на 20 столпцах писана»¹¹⁵.

¹⁰⁸ См.: Романов С. Указ. соч. – С. 112, 114–115.

¹⁰⁹ Там же. – С. 114.

¹¹⁰ Там же. – С. 113.

¹¹¹ Там же. – С. 112.

¹¹² Там же. – С. 119.

¹¹³ Румянцев И. И. Указ. соч. – Приложения. – С. 97, 99.

¹¹⁴ Там же. – С. 96.

¹¹⁵ Романов С. Указ. соч. – С. 120–121.

[с. 42]

Из последних слов, казалось бы, явствует, что 27 июня вторая челобитная уже была готова. Однако вряд ли это было так. Во-первых, С. Романов мог в одной фразе совместить сведения о второй челобитной, относящиеся к разному времени, но соседствующие в его памяти. Рассказывая о том, как же было решено её составить, он сразу поведал и о размерах, которые она имела впоследствии, будучи готовой. Во-вторых, отметим, что на встречах с патриархом 28 июня и 3 июля не было «раскольников» духовного сана¹¹⁶ и что у С. Романова нет никаких упоминаний о второй из этих встреч. Это можно объяснить лишь тем, что «отцы» были заняты очень важным делом, и таким делом было составление новой челобитной.

Проведённое ранее исследование показало, что вторая челобитная была создана в период с 27 июня по 4 июля совместными усилиями Сергия и Никиты, которым, разумеется, помогали и другие «отцы». В качестве источников авторы использовали Пятую Соловецкую челобитную и «Жезл правления» Симеона Полоцкого. Новое сочинение зачитывалось на «пре» 5 июля, а выдержка из него затем попала в «Увет духовный» и подверглась критическому разбору с позиций официального православия¹¹⁷.

Остаются открытыми два вопроса: когда Никита впервые вошёл в контакт с организаторами челобитья-диспута? С каких пор и как он пользовался поддержкой И. А. Хованского до того момента, как благодаря тому официально возглавил челобитчиков?

Кое-какие зацепки есть лишь для поиска ответа на первый вопрос. В 1681 г. Пустосвят подал патриарху и «всему освященному собору» челобитную, в которой просил разрешить ему «паки священническая действовать» (вернуть сан священника)¹¹⁸. Ему отказали. Но главное для нас то, что в этом году он был в Москве. Он мог её и не покидать вплоть до своей кончины на плахе.

Известно также, что ранее 1682 г. Добрынин бывал на столичном подворье новгородского митрополита, где с ним «спознался» уже известный нам Савватий Переяславец¹¹⁹. Хотя бы примерно датировать их знакомство пока не представляется возможным. Но информация о нём заставляет признать ошибочным утверждение, что до мая 1682 г. Никиту не знал ни один «расколучитель» из числа участников интересующего нас движения¹²⁰.

Пока что можно утверждать лишь следующее: между 16 мая и 18 июня 1682 г. Пустосвят, узнав о подготовке стрелецко-чернослободского выступления в защиту «старой веры», предложил свои услуги организаторам, но получил от ворот поворот. Он тогда обратился за помощью к И. А. Хованскому, и тому удалось-таки сделать Никиту участником выступления.

Уточнённая хронология основных событий московского выступления за «старую веру» 1682 г. представляется такой:

15 мая – вспыхивает стрелецкое восстание

16/17 мая – «староверы»-жители Гончарной слободы шлют гонцов за своим «игуменом» Сергием и другими «отцами»; с подачи слобожан «раскольники»

¹¹⁶ См.: Романов С. Указ. соч. – С. 121–130; Медведев С. А. Указ. соч. – С. 106.

¹¹⁷ Усенко О. Г. О челобитных... – С. 389, 391, 393–395.

¹¹⁸ См.: Румянцев И. И. Указ. соч. – Приложения. – С. 384–385.

¹¹⁹ Там же. – С. 95.

¹²⁰ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Вып. 3: XVII в. – Ч. 2. – С. 382.

из числа стрельцов Титова (Ознобишина) полка знакомят сослуживцев с идеей челобитья-диспута в защиту «старой веры»

18 мая – в Титовом полку имеет место «дума и совет заедино» о восстановлении «старой веры»; стрельцы официально обращаются за помощью в составлении челобитной к «раскольникам» из Гончарной слободы

14/15 июня – в Москву прибывает «игумен» Сергей и сразу приступает к работе над челобитной «от лица всех полков и чернослободцев»

15/16 июня – челобитная готова; её слушают и одобряют представители Титова полка, после чего она принимается на общем собрании полка в присутствии «посадских» (видимо, жителей Гончарной слободы)

16/17 июня – в Титовом «приказе» снимается копия с челобитной

17/18 июня – о готовящемся предприятии «выборные» оповещают начальника Стрелецкого приказа И. А. Хованского; князь через них приглашает Сергия и его сподвижников к себе домой для беседы

18/19 июня – происходит первая (неофициальная) встреча организаторов челобитья – «отца Сергия и прочих братьев» – с И. А. Хованским; князь высказывает сомнение в способности Сергия возглавлять выступление, ему предлагают кандидатуру Никиты, и Хованский её одобряет; обсуждается вопрос об организации «собора» с участием царей и патриарха для определения «истинной» веры; «собор» предварительно назначается на 23 июня; вечером того же дня к организаторам челобитья присоединяется «расколоучитель» Савватий Переяславец

19/20 июня – Никита переезжает в Гончарную слободу к Сергию и Савватию Переяславцу

23 июня – И. А. Хованский официально (в Кремле) принимает челобитчиков во главе с Никитой, Сергием и Савватием Переяславцем; в ходе аудиенции князь на время отлучается и якобы знакомит царей и патриарха с челобитной «от лица всех полков и чернослободцев», после чего сообщает, что государи и патриарх выслушают «раскольников» 28 июня

24 июня – в Москву приезжает «расколоучитель» Савватий Костромитин

25 июня – представители Титова полка начинают сбор подписей под челобитной по другим «приказам»; в этот день к ней «прикладывают руки» четыре стрелецких полка

26 июня – челобитную подписывают стрельцы ещё трёх полков

27 июня – к челобитной «прикладывают руки» ещё два стрелецких полка и пушкари, но сбор подписей прекращается из-за противодействия части стрельцов; собрание «выборных» от всех полков постановляет написать и подавать новую челобитную – «от лица всех православных христиан»; сразу же «отцы» приступают к работе под руководством Сергия и Никиты

28 июня – И. А. Хованский вновь открыто принимает «ревнителей древлего благочестия», которых представляют стрелецкие «выборные» и убеждённые «староверы»-миряне; князь их отводит к патриарху; «раскольники» впервые вступают в спор с Иоакимом и другими иерархами; враждующие стороны договариваются о проведении челобитья-диспута 5 июля

1 июля – по приказу патриарха поп Савва обличает «раскольников» перед народом, но его побивают камнями и прогоняют

3 июля – И. А. Хованский и представители челобитчиков («староверы»-миряне) наносят второй визит патриарху; разговор идёт о месте проведения

[с. 44]

«собора» и составе присутствующих на нём; опять вспыхивает спор о «старой» и «новой» вере

4 июля – к организаторам челобитья присоединяются «отцы» Дорофей и Гавриил

5 июля – в Грановитой палате перед членами царской фамилии и церковными иерархами «ревнители древлего благочестия» подают челобитную «от лица всех православных христиан»; между идейными противниками происходит «пря»; от лица «раскольников» спор ведёт поначалу Никита, а потом Сергей и один из двух Савватиев

6 июля – царевна Софья и патриарх получают от «выборных» обещание, что те покинут «расколоучителей»; рядовые стрельцы по-прежнему готовы поддерживать «отцов»

7–9 июля – власти постепенно привлекают большинство стрельцов на свою сторону

10 июля – стрельцы выдают «расколоучителей» властям; «отцы» подвергаются допросам; над Никитой Пустосвятом проходит «церковный суд»

11 июля – Никите отрубают голову

не позже 31 июля (?) – «отцов» рассылают по монастырям «под крепкая начала в смирение».

O. G. Usenko

DEBATABLE QUESTIONS OF A HISTORY OF THE «ZAMIATNIA» IN MOSCOW IN 1682

The paper is devoted to most debatable questions of a history of the Moscow revolt of 1682 that began as the streltsy's uprising and was continued by the petition movement in defense of the «Old Belief». The author analyzes socio-cultural (mental and structural) factors of this revolt and corrects the chronology of the petition movement.

[с. 45]
